

TO THE THAWING WIND

Come with rain, O loud Southwester!
Bring the singer, bring the nester;
Give the buried flower a dream;
Make the settled snowbank steam;
Find the brown beneath the white;
But whate'er you do tonight,
Bath my window, make it flow,
Melt it as the ice will go;
Melt the glass and leave the sticks
Like a hermit's crucifix;
Burst into my narrow stall;
Swing the picture on the wall;
Run the rattling pages o'er;
Scatter poems on the floor;
Turn the poet out of door.

ТЁПЛОМУ ВЕТРУ

Приходи с дождём, Зюйд-Вест!
Птиц верни из южных мест;
Дай цветку цветенья дар;
Преврати сугробы в пар;
Бурый цвет найди под белым;
Только, что бы ты ни делал,
Смой со стёкол зимний лёд!
Лишь оконный переплёт
Сохрани мне, мой Зюйд-Вест,
Как отшельнический крест.
В келью ты ворвись ко мне,
Сдвинь картину на стене,
На пол сбрось стихи, газеты –
И в развитие сюжета
Выгони за дверь поэта.

RELUCTANCE

Out through the fields and the woods
And over the walls I have wended;
I have climbed the hills of view
And looked at the world, and descended;
I have come by the highway home,
And lo, it is ended.

The leaves are all dead on the ground,
Save those that the oak is keeping
To ravel them one by one
And let them go scraping and creeping
Out over the crusted snow,
When others are sleeping.

And the dead leaves lie huddled and still,
No longer blown hither and thither;
The last long aster is gone;
The flowers of the witch-hazel wither;
The heart is still aching to seek,
But the feel question 'Whither?'

Ah, when to the heart of man
Was it ever less than a treason
To go with the drift of things,
To yield with a grace to reason,
And bow and accept the end
Of a love or a season?

РОПОТ

Через поля и леса
Я шёл, не страшась преграды;
На холмы восходил, чтобы мир
С вершины окинуть взглядом;
И спустился, и вот – мой дом,
Что пришёл в упадок.

На земле все листья мертвы,
А спасённые дуба заботой
Один за другим облетят,
Тревожа шуршащей нотой
Листы, что под настом лежат,
Объяты дремотой.

И охапки опавшей листвы
Недвижны под снежным мехом;
Последние астры ушли,
И вянут цветы ореха;
Лишь сердце всё рвётся... Куда?
Но ответит лишь эхо.

Ах, сердце! Рассудку внять
Тебе ли? – ведь это измена:
Порядок вещей принять,
Лишившись иллюзий плена,
И смириться с концом любви,
Что, как и осень, брэнна...

INTO MY OWN

One of my wishes is that those dark trees,
So old and firm they scarcely show the breeze,
Were not, as 'twere, the merest mask of gloom,
But stretched away unto the edge of doom.

I should not be withheld but that some day
into their vastness I should steal away,
Fearless of ever finding open land,
or highway where the slow wheel pours the sand.

I do not see why I should e'er turn back,
Or those should not set forth upon my track
To overtake me, who should miss me here
And long to know if still I held them dear.

They would not find me changed from him they knew –
Only more sure of all I thought was true.

В ГЛУБИНЕ ДУШИ

Я бы хотел, чтоб эти деревья
Могучие – их ветер лишь едва
Качнёт – сменили скорбный свой убор
На буйных крон разросшийся простор.

Да будет мне тогда неведом страх
Исчезнуть, затеряться в тех лесах
И не найти просвета и тропы,
Где месит колесо песок судьбы.

Не думаю, что я сюда вернусь.
А те, кому я впрямь здесь нужен, – пусть
По следу моему пройдут в надежде
Узнать, близки ли мне они, как прежде.

Они поймут, что я лишь в большей мере
Уверен в том, во что и раньше верил.